

Лана Пиратова

**(НЕ) НАСТОЯЩИЙ
НАСЛЕДНИК**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗЗ

ПЗЗ **Пиратова Л.**
(Не) настоящий наследник / Лана Пиратова – М.: Литнет, 2026. – 306 с.

ISBN 978-5-521-94820-8

- Зачем ты обманула меня, Катя? – он, наконец, поднимает на меня взгляд и меня пробирает всю до дрожи от холода в его глазах. В них – холод. И ненависть. Догадки пугают меня одна за другой. - Амир... Не дает договорить. Грубо отодвигает меня за плечо и проходит в комнату. Оглядывается. - Где мой сын? - спрашивает, не поворачиваясь ко мне. Я отступаю к стене, а внутри все холодеет от понимания того, что он уже все знает. Несколько лет назад я познакомилась с этим мужчиной, не представляя, в какой водоворот событий буду втянута и какую трагедию мне предстоит пережить из-за этой встречи. И сейчас, спустя годы, он опять хочет сломать мою жизнь и забрать самое дорогое. Но он не знает, какую тайну храню я все эти годы.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94820-8

© Литнет, 2026
© Л. Пиратова, 2026

Глава 1

Катя

– Смирнова Екатерина Валерьевна? – строгий голос врача заставляет меня сесть на стуле прямо. Он не смотрит на меня, что-то читает в моей карте, поправив очки.

– Да, – отвечаю и откашливаюсь.

– У меня для вас неутешительные новости, – говорит он сухо. – У вашего сына врожденный порок сердца. Он пока останется у нас. Вас мы выпишем сегодня и вы сможете навещать его в установленные часы.

Слова доктора эхом звучат в моей голове.

Что он такое говорит? Какой порок сердца? У меня же здоровый малыш.

– Простите, – говорю чуть слышно. – А вы не путаете? Может, это ошибка? У меня же не было проблем всю беременность. Врач говорила, что ребенок развивается нормально.

– Врачи иногда ошибаются, Екатерина Валерьевна, – вздыхает мужчина и с жалостью смотрит на меня. – Вы пропустили плановое УЗИ. На нем, возможно, все выяснили бы, но... Увы... История не знает сослагательного наклонения. Вам надо научиться жить с этим.

– Но... – мне воздуха не хватает. Дыхание перехватывает. Хватаюсь за сердце. – Это ошибка... какая-то ошибка... – шепчу как в небытие.

– Я понимаю, – вздыхает врач. – Сложно такое принять. Но вы свыкнетесь с этой мыслью. К тому же, при нынешнем уровне медицины проблема вполне решаема. Всего лишь вопрос денег...

Всего лишь...

– Сколько? – шепчу я, вытирая слезы со щеки, хотя уже знаю, что деньги эти мне взять нигде. Но вдруг?

И врач называет такую сумму, что я от бессилия сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в кожу. Почти режут ее. Но я не чувствую боли. Вся моя боль сейчас вместе с моим малышом. Вместе с Матвеем.

– Когда нужны деньги? – спрашиваю и сама не узнаю свой голос. Ледяной, неживой какой-то.

– Время еще есть, – задумчиво произносит врач. – Все не так плохо. Но лучше, конечно, не тянуть. У вас есть, где деньги взять?

– Мне надо подумать, – отвечаю, глядя в стену. – Обсудить...

– Понимаю, – кивает врач. – Давайте так. Я буду ждать вас через два дня. Мне нужен будет ответ от вас, готовить Матвея к операции или нет. Все это займет какое-то время. Есть определенные процедуры...

– Я поняла вас. Я пойду, – встаю и ног не чувствую. – Можно к сыну перед уходом?

– Да, конечно. И не забудьте документы забрать на посту у медсестры. Екатерина Валерьевна, – замолкает. Ждет, когда я обернусь. – Через два дня.

Киваю и открываю дверь.

Сначала возвращаюсь в палату. Мне надо прийти в себя. Не хочу, чтобы сын даже через стекло почувствовал, что маме плохо. Нельзя. Ради него я должна быть сильной. Только ради него.

Как же так вышло? Почему никто ничего мне не говорил? Матвей же здоровый! Я всего пару раз держала его в руках, но он здоровый! Может, все же ошибка? Господи, пожалуйста, пусть это будет ошибкой! Пусть!

Заставляю себя успокоиться. Иду к раковине и умываюсь холодной водой. Глаза все равно красные. Смотрю на себя в зеркало. Выгляжу я ужасно. Но мне все равно.

Роды были тяжелыми. Я кое-как отошла от них. Но главное, что Матвей появился на свет. Главное, что с ним все в порядке.

Было...

Опять накатывает. Надо успокоиться, Катя, надо. Ради сына. Надо найти деньги, а для этого нужен холодный разум. Я найду. Я смогу.

У меня просто нет выбора.

Выхожу из палаты и иду к сыну. Он в специальной палате, в кювезе. Меня без проблем пропускают. Я стою рядом со стеклянным куполом и смотрю на своего малыша. Он спит. Глазки закрыты и он лишь подрагивает во сне. Куча трубочек и иголки в хрупком теле.

Господи. Не могу сдержаться и закрываю рот ладонью, чтобы не расплакаться в голос.

За что?

Когда думала, что все страшное уже позади, оно просто ждало, когда я расслаблюсь.

– Вам надо уйти. Время вышло, – вежливо говорит медсестра. – Время посещения ограничено. Вы можете завтра прийти. Не волнуйтесь, мы следим за ним.

– А на руки? Когда я смогу взять его на руки? – так и говорю с ладонью у рта. И опять слезы уже катятся по щекам.

– Не могу вам сказать. Этот вопрос не ко мне. У доктора спросите, – она аккуратно подталкивает меня к выходу.

Придя немного в себя, я возвращаюсь в палату. Собираю вещи и забираю документы у медсестры.

Меня никто не встречает, денег на такси нет. Еду домой на метро.

Своей квартиры у меня нет. Вернее, есть то, что оставил мне отец в наследство.

Мои родители развелись уже давно. Несколько месяцев назад отец умер и оставил свою однушку нам с братом в равных долях. Мама с братом решили, что лучше всего пока сдавать ее. Хоть какой-то доход, учитывая, что брат мой нигде не работает. У меня не было ни сил, ни желания спорить с ними. Беременность протекала нелегко и я старалась по совету врачей не нервничать лишний раз.

К тому же меня вполне устраивала жизнь вместе с мамой. Я уже привыкла к ее упрекам и почти не обращала на них внимания.

Мама как раз дома. Открывает мне дверь и целует.

– Выписали? Ты одна? – внимательно осматривает меня. – Неуже-

ли решила сделать, как я говорила? Ну и правильно! Наконец, ты поняла, что...

– Мам, подожди, – говорю я и берусь за живот. Все еще тянет немного. Морщусь. – Пойдем на кухню. Я пить хочу очень. И... у меня есть важный разговор.

Мама хмурится, недовольно осматривает меня и первая идет на кухню. Я – следом.

Сажусь за стол и мама ставит передо мной чашку с чаем с пакетиком. Я почти залпом выпиваю его.

– Ну, – мама стоит, прислонившись к столешнице и сложив руки на груди, – расскажешь? Или опять секреты от матери будут?

– Мам, не надо, не начинай. Мне очень плохо сейчас.

– Болит? Я говорила, что не надо было этого делать! С твоим-то здоровьем! Что врач сказал? Ты помнишь, сколько стоят лекарства? Где мы такие деньги возьмем?

– Мам, – хочется заткнуть уши и не слышать этого. Но я здесь живу. А еще нам нужно поговорить. Это важно для Матвея.

– Мам, мам! Никогда меня не слушаешь! Видишь, к чему это все приводит? Ребенка куда сдала? Подписала все, что надо? Чтобы никаких следов...

– Я никуда его не отдала, – произношу, глядя в чашку. – Мой сын будет жить со мной.

Мама всплескивает руками и смотрит на меня круглыми глазами.

– Вот тебе раз! – восклицает. – И где же он? «Твой сын», – производит это с издевкой.

– Мам, мне надо поговорить с тобой, – я встаю и подхожу к ней. Пытаюсь ее обнять. Мне так нужно сейчас простое человеческое тепло. Просто необходимо. Но мама холодна. Она стоит, опустив руки. Меня не обнимает. – Мам, – говорю я. – Матвею нужна операция. Срочная. У него порок сердца. Но если сделать операцию...

– Что?! – мама перебивает меня и убирает с себя мои руки. – Порок сердца? Да ты знаешь, что с таким диагнозом не выживают. Ты его

в больнице оставила? Пусть там разбираются. Правильно сделала. Тебе свою жизнь устраивать надо. Жизнь не закончилась на этом.

– Мама! Мама! Остановись! Что ты говоришь? – я, все-таки, не выдерживаю. Закрываю ладонями уши и мотаю головой. Немного успокаиваюсь и говорю твердым голосом: – Матвею сделают операции. Он выживет. Шансы очень хорошие.

– Это тебе кто сказал?

– Врач. Но нужна операция. Как можно скорее.

– Ну, ясно. Он тебе и не такое скажет, чтобы денег поиметь! Не лечится такое! Не лечится! Но знаешь, это даже и к лучшему. Всяко лучше, чем в детдоме-то.

– Мама! Перестань! – смотрю на нее в последний раз и убегаю из комнаты.

Закрываюсь у себя. Падаю на кровать и реву. Я уже даже боли в животе не чувствую. Все отошло на второй план. Мне просто плохо. Плохо от одиночества и от бессилия.

Мне нужно поплакать. Одной. Хотя бы одной. Поэтому несколько минут просто лежу, уткнувшись в подушку, и реву.

Что бы кто ни говорил, а Матвей будет жить. И будет жить со мной. Собираюсь еще раз с духом. Вытираю слезы и выхожу.

Мама все еще на кухне.

– Мам, – говорю и она опять поворачивается ко мне. – Я хочу продать квартиру. Мне нужны деньги.

Глаза мамы становятся круглыми. Она отвечает не сразу.

– Что значит «продать»? – спрашивает холодно. – Ты не одна это решаешь. Это не только твоя квартира.

– Не только. Но доля принадлежит мне. И мне сейчас нужны деньги. Поэтому квартиру надо продать. И я заберу то, что причитается мне. Деньги нужны на операцию и я не могу ждать. И взять мне их больше не откуда.

– А о Коле ты подумала? Там так-то и его доля есть. А обо мне?

– Коля – взрослый мужчина. Еще тридцать два года. Он может

работать и так обеспечивать себя, а не за счет сдачи в аренду квартиры.

– Как ты заговорила! – мама упирается руками в бока. Строго смотрит на меня. – Ты прекрасно знаешь, что Коля никак не может найти работу!

– Или не хочет?

– Катя!

– Мам, я правда очень устало, – вздыхаю, опираясь о стену. – Роды были тяжелые. Я не спала почти двое суток. А потом еще эта новость... Поэтому спорить у меня сил нет. Прости. Просто примите с Колей тот факт, что долю свою я буду продавать. Мне нужны деньги. Ради себя я никогда этого не сделала бы. Но речь идет о моем сыне.

– Не называй так это отродье!

Бросаю на нее злой взгляд. Всякому терпению приходит конец.

– Никогда не называй так моего сына, – цежу я. – Слышишь? Никогда.

Разворачиваюсь, чтобы уйти к себе. Закрыться там и остаться наедине. И слышу в спину:

– Если ты продашь свою долю, то можешь выметаться отсюда. У тебя будут деньги, чтобы снять жилье. А нам придется сдать твою комнату, чтобы хоть на что-то жить!

Ничего не отвечаю. Лишь душу подступающие слезы. И буквально бегу к себе.

Глава 2

Катя

Весь вечер я провожу у себя в комнате. Но прислушиваюсь. К счастью, Коля сегодня ночевать не приходит, а то он бы точно устроил мне скандал, если бы узнал от мамы, что я решила продать свою долю в нашей общей квартире.

Нет, мама и Коля хорошие и я их люблю. И они меня любят. Я уверена в этом. Но последние события... Конечно, в этом есть и моя вина. Только моя.

Я опять вспоминаю все, что произошло со мной за этот год. Вспоминаю и слезы катятся по щекам.

Но я должна быть сильной. Сейчас не время жалеть себя. Сейчас во мне нуждается мой сын. Он нужен мне.

Я все боюсь, что мама решит прийти ко мне и поговорить. Боюсь или жду? Боюсь, что опять будет ругань, обвинения. И жду... жду, потому что она моя мама, а мне сейчас так необходима поддержка.

Да, мне плохо. Очень плохо. Потому что вся эта ситуация с Матвеем... Мне не с кем поделиться.

Но мама не приходит. Может, это и к лучшему.

На следующее утро, когда я выхожу из комнаты, дома уже никого нет. Поэтому я спокойно завтракаю и еду в больницу. К Матвею.

Я могу навещать его в строго определенные часы, зато каждый день.

Проведя несколько драгоценных минут рядом с Матвеем, выхожу в коридор.

Так тяжело возвращаться домой. И не охота. Сажусь на стул у стены, откидываю голову назад и закрываю глаза.

Когда моя жизнь стала такой? С какого момента?

Каждый день приносит все новые и новые проблемы.

– Екатерина Валерьевна? – меня отвлекает от мыслей голос врача. Я легко узнаю его.

Открываю глаза и встаю.

– Хорошо, что я вас застал, – непривычно улыбается он.

– Что? Что-то с Матвеем? – в голову лезут нехорошие мысли. – Что-то случилось?

– Не волнуйтесь, – он проводит рукой мне по плечу. – Пройдем-те в кабинет? Мне надо с вами кое-что обсудить.

– Это... Матвей? Да? – допытываюсь я, пока мы идем к двери его кабинета.

– Присаживайтесь. Чаю хотите? – врач непривычно мягок. Это еще больше настораживает меня. Значит, хочет сообщить плохую весть? – Да, не волнуйтесь вы так, – даже улыбается. – У меня для вас, можно сказать, хорошие новости.

Я сажусь и внимательно слушаю его.

– Вы деньги нашли? Я поставил вашего сына на операцию. Через месяц. К этому времени деньги нужны будут. Как у вас с этим?

– Через месяц? – вырывается у меня. Это так неожиданно. И так... быстро...

– Да, ждать больше значит подвергать вашего сына опасности. Мне удалось записать его. Но если у вас нет денег...

– Я найду! Обязательно найду! – восклицаю я, понимая, что не знаю, где взять деньги. Даже если продать квартиру, то все это займет точно больше времени, чем нужно.

Зажмуриваюсь и закрываю лицо руками.

И почти сразу же ощущаю руку доктора у себя на плече.

– Екатерина Валерьевна, возьмите.

Убираю руки с лица и смотрю на стакан с водой в руках доктора. Беру его и отпиваю.

– Вы должны быть честны со мной, – доктор садится на стул рядом со мной. – Это серьезное мероприятие. Я должен на сто процентов быть уверен, что у вас есть деньги. Сейчас. Не в будущем будут, а сейчас есть. Понимаете? – пристально смотрит на меня.